

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.7>

Науменко Ксения Сергеевна

Богослужebные мотивы в поэме В. В. Маяковского "Человек"

Цель исследования - определить значение и функцию богослужebных мотивов и христианских аллюзий в поэме В. Маяковского "Человек". В статье анализируются мотивы и образы христианской культуры, отражающие лирическое "я" и характерные для большого количества произведений В. Маяковского. Показано, что данные мотивы отображают предназначение человека в восприятии поэта, что способствует детальному раскрытию образа лирического героя. Научная новизна работы состоит в рассмотрении мотивов и аллюзий безотносительно к идеологии и личным религиозным взглядам поэта, с точки зрения продолжения художественной литературной традиции XIX века. Полученные результаты показали, что христианские аллюзии и богослужebные мотивы помогают понять лирического героя и позицию автора: поэт рисует человека, который сможет стать подобным Христу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 47-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

National Idea and Its Creative Realisation in M. A. Sholokhov's Short Story "Fate of a Man"

Grechushkina Nataliya Valer'evna, Ph. D. in Philology
Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky
natgrech@yandex.ru

The article uncovers specifics of the national idea's creative realisation in M. A. Sholokhov's work "Fate of a Man" devoted to the heroism displayed by the Russian people during the Great Patriotic War. The study aims to discover the true meaning behind the national idea by contraposing it against the fascist idea in the aspect of universal moral values. The study is novel in that the author considers the national idea by means of literary material proving that the character's actions embody stable concepts and specific features of the Russian people's psyche. The attained results have shown that the national idea entails remembrance of the Great Patriotic War, the modern society focusing on timeless values and their continuity in the future.

Key words and phrases: M. A. Sholokhov; "Fate of a Man"; The Great Patriotic War; national idea; courageous personality; sacrificial heroism; creation of life.

УДК 8; 882:821.161.1

Дата поступления рукописи: 13.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.6.7>

Цель исследования – определить значение и функцию богослужебных мотивов и христианских аллюзий в поэме В. Маяковского «Человек». В статье анализируются мотивы и образы христианской культуры, отражающие лирическое «я» и характерные для большого количества произведений В. Маяковского. Показано, что данные мотивы отображают предназначение человека в восприятии поэта, что способствует детальному раскрытию образа лирического героя. *Научная новизна* работы состоит в рассмотрении мотивов и аллюзий безотносительно к идеологии и личным религиозным взглядам поэта, с точки зрения продолжения художественной литературной традиции XIX века. *Полученные результаты* показали, что христианские аллюзии и богослужебные мотивы помогают понять лирического героя и позицию автора: поэт рисует человека, который сможет стать подобным Христу.

Ключевые слова и фразы: В. В. Маяковский; богослужебные мотивы; христианские аллюзии; лирический герой; поэма «Человек»; христианская культура.

Науменко Ксения Сергеевна

Московский педагогический государственный университет
naumenkoks@mail.ru

Богослужебные мотивы в поэме В. В. Маяковского «Человек»

Поэма В. В. Маяковского «Человек» неоднократно становилась предметом анализа [6; 10; 12], что является **актуальным** и сегодня, так как каждый новый подход к исследованию в разное время помогал рассмотреть произведение с различных сторон и обнаружить в нем новые особенности и черты, свойственные поэтике автора. Религиозные мотивы в поэме также привлекали внимание литературоведов [9; 11]. В советскую эпоху христианские аллюзии воспринимались либо как средство сатиры, что соответствовало атеистической пропаганде того времени [9], либо как прием мифопоэтики. Позже в поэме увидели три стадии отношений лирического героя и Бога: богоборчество, богоискательство, богоотступничество [11]. Исследователи опираются в первую очередь на библейские аллюзии, не рассматривая творчество писателя в контексте исторически сложившейся русской христианской культуры и стиля эпохи [Там же]. Для определения значения и функции богослужебных мотивов и христианских аллюзий в поэме «Человек» в исследовании решался ряд поставленных **задач**: исследование ранее существующих работ о данной поэме, поиск в произведении аллюзий и мотивов, их анализ, сопоставление с другими произведениями автора, – что способствовало достижению поставленной цели.

В процессе анализа необходимыми для нас были сравнительно-сопоставительный **метод**, что помогает рассмотреть произведение в контексте всего творчества поэта, биографический **метод**, способствующий исследованию произведения с точки зрения взаимосвязи личности автора и его лирического героя, интертекстуальный подход, что дает возможность выявить роль аллюзий. Исследование произведения обладает **практической значимостью**: изучение богослужебных мотивов дает возможность более точной интерпретации текста, а также полученные выводы могут использоваться в курсах по изучению истории русской литературы или в спецкурсе по творчеству В. В. Маяковского.

Поэма «Человек» вызывает множество вопросов, которые возникают уже при осмыслении многозначного названия произведения. Чему конкретно посвящена поэма? Что вкладывается в понятие «человек»? Стоит отметить, что слово «человек» выносится в заглавие не только В. В. Маяковским. В 1903 году увидела свет поэма «Человек» М. Горького [2], в 1907 году была опубликована пьеса «Жизнь человека» Л. Н. Андреева [1]. Так, антропоцентризм становится главной темой размышления писателей, своего рода духом эпохи, вступая на место теоцентризма, что в 1917 г. проявится и в поэме В. В. Маяковского.

В первых строках произведения лирический герой через боль и страдание замаливает свою любовь:

Звенящей болью любовь замоля [4, с. 290].

Обычно «замолить» используется в сочетании со словом «грех», замолить – молясь, получить прощение за содеянное. В поэме лирическое я искупляет любовь вынесенной болью. Мотив жертвенной любви, вынужденной преодолевать постоянные страдания и боль, проходит через многие произведения поэта.

Далее в сюжете поэмы герой ожидает некоторое шествие:

*...душой
иное шествие чающий,
слышу
твое, земля:
«Ныне отпускаеши!»* [Там же].

«Ныне отпускаеши» – начало молитвы Симеона Богоприимца, читаемой на каждом вечернем богослужении. Праведному Симеону было открыто, что он не умрет, пока не увидит Христа, пришедшего на землю. И по исполнении этого обетования Симеон произносит слова молитвы: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...». Эти слова принадлежат человеку, который всем сердцем ждал прихода Спасителя на землю, который устал от этой жизни и знал, что эта встреча (Сретение) принесет ему освобождение. Так и лирический герой Маяковского душой ждет именно этого «шествия», той встречи, которая избавит от боли, и понимает, что избавить может только Тот, кто взял на себя грехи всего мира.

За введением в поэме следуют главы: «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского», «Маяковский в небе», «Возвращение Маяковского», «Маяковский в кам», «Последнее». И. Б. Ничипоров в своей статье говорит о библейских истоках названия глав, а также об идентификации героем себя изначально как нового Ноя, а затем и как нового Христа [6]. Названия этих глав соответствуют праздничному ряду в иконостасе, отображающему жизнь Христа на земле. Каждая часть, каждая глава – это завершенное изображение значимого события, а все вместе они объединяются личностью, которая оказывается в центре этих событий. И как для иконостаса это Иисус Христос, так в поэме это лирический герой, названный именем автора. В некотором роде это и отсылка к житийной иконе, где в центре находится изображение святого, а на полях – клейма с сюжетами его жизни. Данное сопряжение не говорит о сравнении лирического героя со святыми или с Христом, скорее, это попытка изобразить человека как образ Божий, в личности увидеть ту искру, которая дарована свыше, показать, каким должен был бы быть человек.

Человек не занимает место Бога в полной мере, он продолжает оставаться собой, но мы будем видеть на протяжении поэмы, как внутренне он будет уподобляться Христу:

*Знаю,
не призовут мое имя
грешники,
задыхающиеся в аду.
Под аплодисменты попов
Мой занавес не опустится на Голгофе.
Так вот и буду
В Летнем саду
Пить мой утренний кофе* [4, с. 291].

Герой осознает, что он не станет известен всему миру как Спаситель, ему не будут молиться, священники не станут ему служить, поэтому ему остается, как обычному человеку, пить кофе. Но несмотря на это, он готов стать тем, кто станет выше обычного человека, кто сможет, оставшись непризнанным, принести жертву и спасти людей. Если и есть в нем нечто Божественное, что-то близкое к образу Христа, то это совсем не то, что будет принято людьми или будет продолжением существующей религии, которая все же не близка герою, на что указывают слова «аплодисменты попов». В этих словах речь идет о крестной смерти Христа на Голгофе, священники же не воспринимают это как личную трагедию – Бог отдал своего сына, чтобы спасти и их тоже, но для них это лишь театральное представление, вызывающее аплодисменты, они не осознают сакральности и возвышенности происходящего. Потому же и они называются не «священниками», а «попами» – просторечной формой [7], не выражающей уважения к ним как к служителям церкви.

Рождение человека, идеального, являющегося воплощением чуда, меняет систему ценностей людей, вне зависимости от их вероисповедания:

*И отхлынули паломники от гроба господня.
Опустела правоверными древняя Мекка* [4, с. 294].

Хотя само рождение героя не было чудом, не было особых знамений перед этим рождением, далее читатель увидит, что это значительный день в истории всего человечества:

*В небе моего Вифлеема
никаких не горело знаков* [Там же, с. 291]...

Оно прошло незамеченным для всех, хотя лирический герой оказывается даже возмущен этим. Вопреки этой обыденности дня его сошествия, он оказывается даже более важным, чем Рождество самого Христа:

*Если не
человечьего рождения день,
то черта ль,
звезда,
тогда еще
праздновать* [Там же, с. 292]?!]

Интересно, что автор использует слово «человечий», а не «человеческий», более разговорное, приземленное, что делает героя опять же ближе к людям, чем к далекому, недостижимому Богу.

«Жизнь Маяковского» показывает противопоставление двух героев: лирического я и земного божества – идеала «логова банкиров, вельмож и дождей», олицетворения богатства, капитала, денег:

*Здесь
живет
Повелитель Всего –
соперник мой,
мой неодолимый враг* [Там же, с. 297].

Образы противопоставлены по отношению к миру, людям. Если к ногам лирического героя приковано ядро земного шара, но он готов любить каждого, вопреки причиняемым страданиям (пример христианской любви и жертвы), то Бог-Повелитель оказывается равнодушным к мучениям людей, ни один бунт Его не трогает. Такой образ ближе к языческому, чем христианскому: в политеистических верованиях есть возможность встретить божество жестокое, эгоистичное, думающее о себе, но не о людях.

«Вознесение Маяковского» – глава, в которой происходит сильнейшее изменение героя. Название главы непосредственно соотносится с двенадцатым праздником Вознесения Христова, но герой, так же являющийся бессмертным, поднимаясь в небо, оказывается совсем иным:

*Всюду теперь!
Можно везде мне.
Взбурься, баллад поэтовых тина.
Пойте теперь
о новом – пойте – Демоне
в американском пиджаке
и блеске желтых ботинок* [Там же, с. 303].

Так, на месте Христа и сверхчеловека, каким представлялся главный герой, оказывается демон. Интересно, что автор использует именно слово «демон». В воспоминаниях о Врубеле Н. А. Прахов говорит: «...вообще “Демона” не понимают – путают с чертом и дьяволом, тогда как черт по-гречески значит просто “рогатый”, дьявол – “клеветник”, а “Демон” – значит “душа” и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа, ищущего примирения обуревающих его страстей» [8]. Но в поэме даже «душа» очеловечилась, вместо мятущегося духа с экзистенциальными вопросами демон превратился в обычного мещанина, теперь он имеет современный «буржуазный» облик «в американском пиджаке и желтых ботинках».

Часть «Маяковский в небе» повествует о том, как герой оказывается в раю, но только это не истинный рай, не тот рай, что описывается у Данте, а лишь бутафория, для чего есть несколько причин. Сравнивая отрывки «Божественной комедии» и «Человека», читатель обнаруживает эти причины искусственности данного рая. Во-первых, в этом мире нет ничего высокого, духовного – ангелы исполняют земную музыку Верди, мир видится как «путаница штепселей, рычагов и ручек». Во-вторых, герой не встречает здесь свою Беатриче, а рай без нее не может быть истинным. Стоит отметить, что герой сам здесь является провожатым, когда у Данте эту обязанность выполняет Бернард Клеровский. Как и он, герой пытается быть лишь созерцателем, но в этом суетном рае ему не дают таковой возможности:

*«Хотите,
по облаку
телом
развалюсь
и буду всех созерцать».
«Нет, – говорят, – это нам не подходит!»
«Ну, не подходит – как знаете! Мое дело предложить»* [4, с. 305-306].

*Так я взирал на рвение святое
Того, кто, окруженный миром зла,
Жил, созерцая, в неземном покое* [3].

Герой покидает небо и возвращается на землю, о чем рассказывает глава «Возвращение Маяковского», он возвращается гигантом, титаном: ему по пути с зарей, радугой, кометами, но люди не видят этого. Они видят в нем обычного красильщика, упавшего с крыши, не признают в нем сверхчеловеческого:

*То-то удивятся не ихней силище
путешественника неб* [4, с. 310].

В финале главы «Маяковский векам» читателю показывается лирический герой, близкий образу Христа, который можно увидеть на иконе «Сошествие во ад», где фигура Иисуса Христа окружена ореолом света, как пламенем:

*И только
боль моя
острей –
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви [Там же, с. 316].*

Ведь и сошествие Христа в ад воспринимается как жертва, принесенная за человечество, благодаря бесконечной любви Бога. То же великое чувство испытывает и лирический герой поэмы, уподобляясь Христу. Несмотря на то, что костер, на котором стоит герой, приносит ему страдание, он готов идти на жертву, немыслимую, не вмещающуюся в сознание обычных людей. Образ героя-искупителя, приносящего себя в жертву ради других, пострадавшего за грехи всего человечества, встречается и в других поэмах В. В. Маяковского:

*В праздник красьте сегодняшнее число.
Творишь,
распятью равная магия.
Видите –
гвоздями слов
прибит к бумаге я [Там же, с. 257].*

*Семь лет стою,
буду и двести
стоять пригвожденный,
этого ждущий.
У лет на мосту
на презренье,
на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачусь,
за всех расплачусь [5, с. 287].*

Но люди не испытывают никаких чувств к вернувшемуся с небес герою, принесшему себя в жертву ради них, и даже оказываются не способными к жалости, точно так же, как и две тысячи лет назад иудеи были глухи к проповедям Христа и слепы к Его чудесам. Героя посещает мысль о мести, но в итоге любовь оказывается выше и сильнее этого, потому и завершается текст молитвой об усопших:

*Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!» [4, с. 316].*

Заключительная часть поэмы «Последнее» очень точно соотносится со вступлением. Как и в начале, весь мир творит молитву, и читатель видит, что лирический герой действительно погиб, но своей жертвой он заслуживает места среди святых.

Таким образом, при исследовании были проанализированы научные работы, изучающие данную поэму, найдены христианские аллюзии и богослужебные мотивы. Благодаря их исследованию и сопоставлению с другими текстами автора можно сделать **вывод**, что христианские аллюзии и богослужебные мотивы помогают понять лирического героя и отражают идею возникновения нового человека, который сначала должен стать подобен Христу, а потом даже стать на его место, принеся искупительную жертву миру. Также поэма говорит о том, каким должен быть человек, что это, скорее, образ идеального человека, того, к чему должен стремиться каждый, кто в состоянии стоять «огнем обвит, / на несгорающем костре / немыслимой любви» [Там же]. Именно приход такого человека ожидается в итоге предыдущей поэмы В. В. Маяковского «Война и мир» [Там же, с. 289]. Также кажется значимым рассмотреть взаимосвязи на основе христианских аллюзий и идеи произведения между данной поэмой и другими произведениями автора, чему может быть посвящено дальнейшее исследование.

Список источников

1. Андреев Л. Н. Жизнь человека [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1645/index.html> (дата обращения: 20.02.2019).
2. Горький М. Человек [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/495/p.1/index.html> (дата обращения: 20.02.2019).

3. Данте Алигьери. Божественная комедия [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/comedy.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 13.04.2020).
4. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1978. Т. 1. 432 с.
5. Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1978. Т. 2. 352 с.
6. Ничипоров И. Б. Эволюция человекобожеской концепции в поэмах В. Маяковского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/47791.php> (дата обращения: 02.04.2020).
7. Поп [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/435981.html> (дата обращения: 13.04.2020).
8. Прахов Н. А. Воспоминания. М. А. Врубель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wroubel.ru/prahov8> (дата обращения: 02.04.2020).
9. Ружина В. А. Маяковский против религии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1967. 278 с.
10. Чун Ч. Поэтический антропоцентризм в лиро-эпосе В. Маяковского 1910-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2019. 23 с.
11. Шалков Д. Ю. Библиейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912-1918 годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2008. 18 с.
12. Steinberg M. D. Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 83-91. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/9279/1/05-Steinberg.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

Liturgical Motifs in V. V. Mayakovsky's Poem "The Man"

Naumenko Kseniya Sergeevna
 Moscow State Pedagogical University
 naumenkoks@mail.ru

The study aims to determine the meaning and function of liturgical motifs and Christian allusions in V. Mayakovsky's poem "The Man". The article analyses motifs and images of the Christian culture, which reflect the lyrical self and are typical of V. Mayakovsky's works. It is found that these motifs represent the poet's vision of a man's destiny, which allows for the persona's nuanced individualisation. The study is novel in that it considers motifs and allusions irrespectively of the poet's ideology and personal religious views, from the standpoint of continuing the artistic literary tradition of the XIX century. The attained results have shown that the Christian allusions and liturgical motifs help to understand the persona and the author's point of view: he portrays a man who will be able to become Christlike.

Key words and phrases: V. V. Mayakovsky; liturgical motifs; Christian allusions; persona; poem "The Man"; Christian culture.

УДК 882

Дата поступления рукописи: 10.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.8>

В статье проводится сопоставительный анализ творчества В. Шершеневича и М. Ю. Лермонтова. Целью исследования стало рассмотрение маскарадного мотива и выявление роли, которую играет маска как неотъемлемый атрибут бала. Хотя сама тема маскарада не является новой в литературоведении, но попытка найти общее и различное при изображении этого мотива в лирике представленных поэтов, безусловно, нова, в чем и заключается научная новизна работы. Полученные результаты показали, что маскарад негативно оценивается поэтами, поскольку он предстает одной из форм, помогающих обществу скрыться от ответственности, спрятать за маской свое истинное лицо.

Ключевые слова и фразы: поэзия; маскарадный мотив; маска; лирический герой; арлекинад; шутовство; Лермонтов; Шершеневич.

Новикова Марина Владимировна, к. филол. н.

Милованова Анна Игоревна

Бугакова Надежда Борисовна, к. филол. н., доц.

Воронежский государственный технический университет

litra.novikov@yandex.ru; imilov19@mail.ru; ya_witch@mail.ru

Маскарадный мотив в творчестве М. Ю. Лермонтова и В. Шершеневича

«Маска стала навязчивой темой быта и литературы авангарда» [8, с. 90], – отмечает исследователь К. Г. Исупов, в этом плане творчество В. Шершеневича вовсе не является исключением. Еще в юные годы поэт будет интересоваться очерком «Маски маскарады», опубликованном в журнале «Нива», а затем «маскарадная вольность станет для Шершеневича литературным приемом для выражения глубинны чувств и душевных состояний, возникающих благодаря переживаемому контакту с миром» [4, с. 47]. В лирике поэта образ страдающего, ранимого лирического героя, прячущегося за маской шута, станет частотным, как и карнавальным мотив.